

Галина Ивановна Каневская
д.и.н., профессор кафедры международных отношений
Дальневосточного федерального университета

Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников (к 75-летию со дня основания ХПИ)

Пьешь воду, помни об источнике

Китайская поговорка

Каждый, кто был когда-то студентом, никогда не забудет свою альма-матер. В юбилейные даты окончания вуза многие, как в славные студенческие годы, собираются вместе, чтобы отметить это событие, а вот день основания своего института вспомнит не всякий. Исключение составляют выпускники русского Харбинского политехнического института. Хотя судьба и разбросала их по всему миру, но в этот день все они вспоминают свой институт и празднуют его ежегодно как «День политехника», подчеркивая этим свое единение, общность интересов и значение роли русского инженера за рубежомⁱ.

Каким же он был Харбинский политехнический, оставивший столь глубокий след в жизни его выпускников?

2 апреля 1997 г. исполнилось 75 лет со дня основания ХПИ, крупнейшего высшего учебного заведения русского Харбина, но история его еще не написана. Попытаемся восстановить основные вехи этой истории на основе воспоминаний питомцев и преподавателей института, публикуемых на страницах журнала «Политехник», который с 1969 г. издается в Сиднее Ассоциацией инженеров, окончивших ХПИ/СМУ.

Строительство КВЖД, основание и развитие русского Харбина, быстрый рост его населения и успехи экономики, становление общественно-культурной жизни города – все это, вместе взятое, привело к возникновению предпосылок для создания здесь высшей школы. Особенно остро эта необходимость стала ощущаться в годы Первой мировой войны и с началом революции, так как выпускники харбинских средних школ лишились возможности уезжать для продолжения образования в Россию.

В июне 1918 г. в Харбине был сформирован комитет по учреждению высшей школы, который принял постановление об открытии университета с юридическим и техническими факультетамиⁱⁱ. Однако претворить в жизнь это постановление удалось только в 1920 г., когда в Харбине были созданы Юридический факультет и Русско-китайский техникум, преобразованный 2 апреля 1922 г. в Русско-китайский политехнический институт. Учреждение института стало возможным благодаря тому, что к концу Гражданской войны в Харбин хлынул поток русских эмигрантов, среди которых было много

специалистов в различных областях науки и техники, составивших профессорско-преподавательский костяк ХПИ.

Как вспоминает инженер первого выпуска дорожно-строительного факультета ХПИ Н.П. Калугин, 2 апреля 1922 г. – день образования института торжеством не отмечался, лишь на доске объявлений появилось извещение за подписью директора А.А. Щелкова о преобразовании техникума в Русско-китайский политехнический институт. Традиция празднования основания ХПИ началась со второй годовщины его существования, а именно 2 апреля 1924 г., когда состоялись торжественное заседание и «скромный товарищеский ужин, в котором приняло участие до ста человек, как профессоров так и студентов»ⁱⁱⁱ. С тех пор питомцы ХПИ свято берегут эту традицию как день основания института, как праздник политехников^{iv}.

Большую роль в создании института сыграло руководство КВЖД во главе с ее управляющим Б.В. Остроумовым, которое предоставило помещения, оборудование и ассигновало ежегодную субсидию сначала в размере 75 тыс., а затем и 150 тыс. золотых рублей^v. В исключительных случаях КВЖД предоставляла даже свои собственные лаборатории и вспомогательные учреждения для временного пользования студентам.

В первые годы существования института он возглавлялся Правлением общества по заведованию РКПИ, которое избиралось ежегодно из русских и китайских представителей. Председателем правления был талантливый администратор, отзывчивый к вопросам высшего образования и нуждам студенчества Н.Л. Гондатти, личный авторитет и влияние которого сыграли немалую роль в деле становления института^{vi}.

Непосредственное руководство институтом осуществлялось его директором и проводилось в жизнь при помощи двух коллегиальных органов: академического комитета, в который входили деканы факультетов, и академического совета, состоявшего из наиболее авторитетных профессоров и специалистов с большим научным и педагогическим стажем^{vii}.

Первым директором Русско-китайского техникума и Политехнического института, по выбору Правления, был назначен инженер путей сообщения А.А. Щелков (1920–1925 гг.), обладавший богатым администраторским опытом и организаторскими способностями и установивший в РКПИ твердый распорядок и дисциплину. Бывшие студенты вспоминают его как замечательного русского инженера, сердечного человека и отличного преподавателя. По мнению Г.В. Мелихова, особой заслугой А.А. Щелкова явилось создание атмосферы тесного взаимодействия и сотрудничества между администрацией, преподавателями и студентами, обеспечившего успех всего учебного процесса и высокую репутацию института среди русской и китайской общественности^{viii}.

Институт имел электро-механический (декан – профессор Н.М. Обухов) и дорожно-строительный (декан — инженер путей сообщения П.Ф. Козловский) факультеты и подготовительные курсы для китайских студентов.

Как считает Н.П. Калугин, которому принадлежит наибольшее число публикаций по истории ХПИ на страницах журнала «Политехник», институт с первых дней своего существования работал в весьма благоприятных условиях. Он располагал прекрасными зданиями с большим земельным участком в лучшей части Харбина, имел устойчивый бюджет, опытный профессорско-преподавательский состав, стабильный приток студентов и обеспеченную практику для них^{ix}.

При институте были созданы необходимые лаборатории, столярные и слесарные мастерские. Лаборатории регулярно пополнялись новейшими машинами и измерительными приборами, которые институт выписывал на десятки тысяч рублей ежегодно. Громадный читальный зал и прекрасная техническая библиотека являлись гордостью института. Но в первые годы существования РКПИ ему не доставало учебников и учебных пособий, поэтому были приобретены литографические машины, и с помощью студентов налажено издание лекций по основным читаемым курсам и необходимых учебных пособий.

В институт поступала молодежь не только из Маньчжурии, но и из отдаленных провинций Китая. На 1 ноября 1922 г. общее число студентов составляло 276 человек, из них 135 — на дорожно-строительном факультете, 125 — на электро-механическом и 16 — на подготовительных курсах. Однако большинство студентов (около 70%) все же были выпускниками средних учебных заведений Харбина^x.

Плата за обучение в РКПИ составляла 300 золотых рублей в год, а для детей служащих и пенсионеров КВЖД и работников института — 200 золотых рублей. Обучавшиеся на подготовительных курсах платили соответственно 150 и 100 золотых рублей в год^{xi}.

Для иногородних студентов институт располагал общежитием. По воспоминаниям его бывших обитателей, это был удобный и уютный дом с садом, в котором на большой застекленной веранде часто устраивались студенческие вечеринки. Место в общежитие стоило 7 золотых рублей в месяц, обед в столовой института обходился в 30 копеек, завтрак в 20 коп., а чай стоил 2 коп. Но политехники вспоминают китайскую студенческую столовую, где только вторые блюда были порционными, а супа и пампушек давали сколько хочешь, что позволяло студентам проводить соревнования, кто больше съест. Рекорд составил 41 пампушку^{xii}.

Учебный план института предусматривал пятилетний курс обучения и был разработан в соответствии с программами высших технических заведений дореволюционной России, но дополнен новыми дисциплинами и расширен, согласно новейшим течениям в науке и технике. Серьезное внимание уделялось не только теоретической подготовке, но и систематической практической работе студентов в мастерских и лабораториях, которые имелись при институте^{xiii}.

Учебным планом была предусмотрена ежегодная летняя 2,5–3-х месячная практика студентов на железной дороге со сдачей экзаменов по спе-

циальностям службы пути или тяги. Причем, студенты, находящиеся на практике, получали от КВЖД месячное жалование от 40 до 75 золотых рублей в зависимости от курса. Как утверждал сам А.А. Щелков, ни одно высшее техническое учебное заведение России не располагало столь благоприятными условиями для проведения студенческой практики, как ХПИ. Большая заслуга в этом принадлежала управляющему КВЖД Б.В. Остроумову, который приказом от 7 июня 1922 г. утвердил «Общий план летней студенческой практики» и лично следил за проведением его в жизнь, интересуясь работой студентов^{xiv}.

Посещение лекций и практических занятий в ХПИ было обязательным. Студент, пропустивший 30% учебных часов в год, не допускался к переводным экзаменам.

Дипломанты сдавали четыре государственных экзамена по основным курсам выбранной ими специальности и в течение года должны были защитить четыре дипломных проекта по этим же курсам. Так, например, студенты дорожно-строительного факультета защищали дипломные проекты по архитектуре, гидротехнике, мостам и железным дорогам. Но с 1927 г. была введена защита одного дипломного проекта с полным математическим расчетом и исполнением чертежей. Для дипломантов были созданы особые условия. Им отводилась большая аудитория, где каждый имел один или два письменных стола для занятий и мог работать в ней хоть 24 часа в сутки. В государственную экзаменационную комиссию, под председательством помощника управляющего КВЖД, входили директор института, деканы факультетов, преподаватели-экзаменаторы, представители КВЖД и китайского правительства. Дипломы первых выпусков РКПИ также подписывались представителем Общества русских инженеров, куда входили «старые инженеры», получившие образование в высших технических заведениях Российской империи^{xv}.

Первый выпуск политехников состоялся 24 октября 1924 г. по дорожно-строительному факультету. Звание инженера путей сообщения получили шесть человек. Во втором выпуске в январе 1925 г. факультет закончили уже 16 человек. Первым среди них был П.А. Щелков, имя которого занесли на золотую доску института. На государственном экзамене он представил проект здания пассажирского вокзала II и III классов, исполненного в «новом стиле», который удостоился премии. Третий выпуск факультета летом 1925 г. ознаменовался тем, что звание инженера получил китаец Ван-Шоу-сян — первый китайский студент, окончившим РКПИ^{xvi}. По электромеханическому факультету первый выпуск был произведен 20 октября 1925 г. в составе 20 человек. Из этого выпуска на золотую доску было занесено имя студента П.В. Рычкова, который прекрасно защитил дипломный проект и имел высший средний бал^{xvii}.

Инженеры, окончившие институт, довольно легко устраивались на работу, прежде всего на КВЖД. Так, А.А. Щелков в интервью газете «День политехника» в феврале 1925 г. сообщал: «Можно с удовлетворением отме-

тить, что весь первый выпуск уже на работе, частью на дороге, частью в частных предприятиях. Недавно несколько молодых инженеров, окончивших во втором выпуске, приглашены в Мукден на постройку подъездного пути к ЮМЖД и на КВЖД»^{xviii}.

Наиболее выдающихся студентов обычно оставляли в институте для подготовки к научной и преподавательской деятельности. Некоторым за счет института предоставляли заграничные командировки для совершенствования их образования.

Большое значение придавалось научно-исследовательской работе, которой отводилась важная роль в деле повышения квалификации профессорско-преподавательских кадров. Результаты научных исследований преподавателей института печатались на страницах журнала «Известия и труды ХПИ», издававшегося с 1923 по 1934 годы. Осуществлялась связь между деятельностью кафедр и производством, работали научные студенческие кружки.

В стенах ХПИ с утра до вечера кипела бурная студенческая жизнь, которой посвящено не мало страниц «Политехника». Хотя студенты и были заняты в институте весь день, слушая лекции и выполняя лабораторные задания, но многие из них вынуждены были из-за материальной необеспеченности и сравнительно высокой платы за обучение совмещать учебу с добыванием средств к жизни. В результате, как вспоминают политехники, среди них можно было найти представителей любой профессии. Многие были заняты на КВЖД (охранниками, дежурными по станции, обходчиками). Управление дороги шло навстречу нуждам студентов и давало им возможность работать только в послеобеденное время. Другие студенты занимались репетиторством, преподавали русский язык китайцам или математику и физику в средних школах. Некоторым приходилось довольствоваться любым заработком, начиная от шофера, пожарника или пекаря и кончая...балериной и сотрудником похоронного бюро^{xix}.

Оказание материальной помощи нуждающимся являлось одной из главных задач Совета курсовых старост (Старостата) — выборного студенческого органа, который был создан по предложению А.А. Щелкова с первых дней основания института. В его состав входили представители от каждого курса и факультета. Первым председателем Совета был Н.П. Калугин (1922–1924 гг.)^{xx}.

Совет подыскивал платную работу для студентов на время летних каникул, принимал участие в издательской деятельности института, давая возможность нуждающимся подработать перепиской лекций, получал небольшую помощь от управления КВЖД и возвратные ссуды и займы от администрации института, имел в своем распоряжении пять стипендий имени генерал-лейтенанта Хорвата в размере 300 рублей, но основные средства добывались путем устройства вечеров, концертов, балов.

А какие балы давались в Политехническом! Традиционными считались Рождественский бал, который обычно утраивался 10 января, Пасхальный и

Татьянинский бал 25 января, проводимый совместно четырьмя институтами: Политехническим, Педагогическим, Юридическим факультетом и Институтом ориентальных и коммерческих наук. Балы обычно проходили в здании Коммерческого собрания и собирали до тысячи гостей. Они остались одной из самых ярких и незабываемых страниц в воспоминаниях харбинцев.

Каждому балу предшествовала длительная подготовка. Студенты прилагали максимум старания, все свои таланты, энергию и умение, чтобы сделать бал более успешным и веселым. И делалось это не только из-за молодого энтузиазма, но и потому, что доходы с этих балов по системе очков распределялись среди участников подготовки бала и шли в счет оплаты за обучение.

Обычно в программу бального концерта входили остроумные и едкие частушки на злобу дня, юмористические скетчи, разыгрываемые самими студентами. Особенно бурный восторг зрителей вызывали танцевальные номера, исполняемые по всем правилам балетного искусства, переодетыми в пачки политехниками^{xxi}. По мнению одного из участников «балетной труппы» Б.Г. Козловского, успеху балета необыкновенно способствовал тот факт, что перед каждым выступлением танцоры имели обычай подкрепиться для храбрости, отчего их антраша приобретали еще более смелый характер^{xxii}. Как правило балы затягивались до утра, после чего студенты продолжали веселиться уже за пределами бального зала.

Особенно памятливы политехникам так называемые «Остроумовские балы», которые проходили под почетным руководством управляющего КВЖД Б.В. Остроумова. На этих балах в лотерею разыгрывались совершенно необыкновенные призы, например, корова, свинья с поросятами, курица с выводком цыплят и другие. Однажды при розыгрыше большого плюшевого слона «сцепились» сам управляющий КВЖД и член Правления Фан-цигуань. После продолжительного сражения слон (по приказу Б.В. Остроумова) достался его противнику за 2700 таянов (китайский рубль). Чтобы представить колоссальность этой суммы, достаточно сказать, что в то время месячный заработок инженера составлял 75–100 таянов^{xxiii}.

Усилия организаторов балов не пропадали даром. Обычно при помощи общественности, коммерсантов и промышленников города, охотно раскупавших «почетные» билеты на студенческие балы, они получали неплохой доход, который в среднем составлял 3–5 тыс. рублей и шел в кассу института на оплату обучения неимущих студентов.

Как сообщает Н.П. Калугин, в 1922–1923 гг. с помощью Совета курсовых старост удалось решить проблему платы за обучение, самую большую и злободневную в студенческой жизни, для 56 студентов^{xxiv}. Были случаи, когда отдельные преподаватели (например, инженер Ф.Ф. Ильин), спасая студентов от отчисления из института, инкогнито вносили за них плату за обучение^{xxv}.

В компетенцию Совета входило рассмотрение и многих других вопросов: открытие общежития, сдача в аренду студенческой столовой, учрежде-

ние стипендий, проведение вечеров-рефератов^{xxvi} и другие. Кроме того Старостат издавал газету «День политехника». Это было неперiodическое издание, отражающее повседневную жизнь вуза. Все мероприятия Старостата осуществлялись в тесном контакте и по согласованию с администрацией института^{xxvii}.

Одним из таких мероприятий был конкурс с денежной премией на лучший эскиз студенческого наплечника. Награды удостоился студент Ю. Смирнов (выпускник 1927 г.), картины которого украшают сегодня национальную галерею Макао^{xxviii}. В окончательном виде изображение наплечника было утверждено Правлением общества по заведованию РКПИ и изготовлено в мастерских института.

Студенческая форма одежды политехников была принята по типу старых русских высших технических учебных заведений. Механики и электрики носили форменные тужурки с синим кантом и с золотыми наплечниками, строители и путейцы были с зеленым кантом и с серебряными наплечниками. Дипломанты нашивали на манжеты студенческой тужурки золотую или серебряную тесьму. Политехники с гордостью носили свою форму, а наплечники обычно передавались от старшего брата к младшему и сохранялись выпускниками ХПИ как реликвия^{xxix}.

Таким образом, в первые годы существования Политехнического института здесь оставался чисто русский академический уклад жизни, свойственный высшим учебным заведениям дореволюционной России.

Дальнейшая история ХПИ самым тесным образом связана с политической ситуацией в Маньчжурии, с событиями на КВЖД, с судьбой русских в Китае. После установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление, что отразилось и на положении института. Право обучения в институте было предоставлено только подданным этих двух государств. Китайское правительство, сознавая нужду в квалифицированных специалистах, пошло навстречу русским харбинцам и предоставило им возможность получить китайское подданство и тем самым продолжить свое образование^{xxx}.

Произошли изменения в административном и академическом составе института за счет пополнения его представителями советской стороны. Осенью 1926 г. было учреждено 10 кафедр и основан Институт руководителей по проектам и упражнениям. Заведующие кафедрами по должности стали именоваться профессорами. Академическую часть возглавил Совет профессоров, членами которого были заведующие кафедрами, научными кабинетами и лабораториями, во главе с новым ректором Л.А. Уструговым (1925–1935 гг.), инженером-путейцем по специальности, которого называли «энциклопедией железных дорог». В прошлом он был начальником департамента железных дорог Российской империи и министром сообщения в Омском правительстве адмирала А.В. Колчака. На каждом факультете был создан Совет факультета под председательством декана. Учебный план института остался почти без изменений^{xxxi}.

4 февраля 1928 г. Русско-китайский политехнический институт был переименован в Политехнический институт О.Р.В.П. (Особый район Восточных провинций), а 1 ноября 1928 г. организовано правление из представителей СССР на КВЖД и высшей китайской администрации и одновременно институт стал называться Харбинским политехническим институтом (ХПИ)^{xxxii}.

Институт продолжал успешно развиваться, авторитет его из года в год возрастал, что подтверждалось увеличением притока русских и китайских студентов со всей Маньчжурии. Если к началу 1926/1927 учебного года общее их число было 650 человек (вместе с подготовительным отделением), то к началу 1930 г. их стало уже 1026 человек, среди них более 50 студенток, в том числе и китайнок. Количество получивших дипломы к этому времени составило по дорожно-строительному факультету 101, а по электромеханическому – 92 человека. Теперь выпускников ХПИ можно было встретить во всех крупных городах Китая. В состав ХПИ входили 17 кафедр и 4 доцентуры, а число преподавателей с солидным научным и инженерным стажем достигло 65 человек^{xxxiii}.

При ХПИ работали Техническое училище, Маньчжурские курсы техников путей сообщения, Горные курсы и Китайские подготовительные курсы с трехлетним обучением. Планировалось открытие транспортно-экономического факультета и преобразование Горных курсов в горный факультет^{xxxiv}.

В этот период в ХПИ существовала уникальная ситуация, когда здесь бок о бок работали и учились русские преподаватели и студенты с советским или китайским подданством и так называемые «квит-подданные» (получившие квитанцию о возбуждении подданства), имеющие различные идеологические взгляды. Но, по словам выпускника электромеханического факультета 1933 г. А.Н. Князева: «...никаких эксцессов в стенах Института никогда не происходило – это был «храм науки» – на улице же разделение становилось резким и иногда опасным. У каждой группировки были свои районы, свои любимые рестораны, «забегаловки», дансинги и т.п.»^{xxxv}.

Но все же определенное размежевание неизбежно происходило и в стенах института. Это проявилось хотя бы в том, что вместо Совета курсовых старост были созданы две комиссии взаимопомощи — советская и китайская, последняя, в свою очередь, делилась еще на две комиссии. Одна из них — для китайских, а другая — для русских студентов, китайских подданных.

Русской комиссии взаимопомощи пришлось работать в более тяжелых условиях, чем Старостату. Материальной помощи со стороны КВЖД она фактически уже не получала, а устраивать студентов на платную летнюю практику на дорогу стало очень трудно. Как вспоминает Б.Г. Козловский, выделяемые КВЖД вакансии на практику распределялись советской и китайской комиссиями взаимопомощи, а последняя предоставляла русским студентам лишь ограниченное число вакансий, между претендентами на ко-

торые проводилась жеребьевка. Вытянуть счастливый жребий считалось большим везеньем. Итак, получение платной практики на КВЖД для русских студентов стало весьма проблематичным, а, следовательно, исчезла возможность, как в былые времена, заработать для оплаты стоимости обучения в институте. Балы политехников остались единственной формой доходов комиссии взаимопомощи^{xxxvi}.

Положение ХПИ начало ухудшаться со времени захвата Маньчжурии Японией и образованием марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. Прежде всего, резко упало число желающих поступить в ХПИ. Последний конкурс в институт, по сообщению В. Ерофеева, который сам поступал в этом году, был в 1931 г., когда на 200 мест оказалось подано 450 прошений. В последующие годы конкурса не было. В новых условиях многие русские вынуждены были уезжать из Харбина. Кроме того, 17 августа 1932 г. открылся новый Северо-Маньчжурский политехнический институт, который оттянул на себя часть абитуриентов^{xxxvii}.

В корне изменило жизнь ХПИ, как считает бывший драгоман и преподаватель института В.Г. Савчик, подписанное 23 марта 1935 г. соглашение между СССР и Японией о передаче прав на КВЖД правительству Маньчжоу-Ди-Го. Советские граждане, в том числе и значительная часть русских студентов института, должны были эвакуироваться в Советский Союз в течение трех месяцев после подписания соглашения.

В сложившейся ситуации между маньчжурской стороной, в лице нового ректора ХПИ Ван-Цин-Юй и советника института К. Фурасава, и советской стороной, в лице профессора Л.А. Устругова, ставшего проректором, была заключена договоренность о предоставлении студентам первого-третьего курсов возможности раньше окончить учебный год, усилив интенсивность занятий. Для четвертых и пятых курсов были назначены сжатые сроки для подготовки дипломов и проведено несколько внеочередных сессий по их защите. К концу июня 1935 г. советские преподаватели, служащие, студенты и только что защитившие дипломы молодые инженеры поспешно уехали в Советский Союз. В начале июля покинул Харбин и профессор Л.А. Устругов. Так закончился период советско-маньчжурского управления ХПИ^{xxxviii}.

В результате число русских в институте заметно сократилось, но новое руководство решило все-таки позволить оставшимся студентам окончить институт и получить диплом. Кроме того, в ХПИ перешли студенты и преподаватели закрытого в 1935 г. японскими властями Политехнического института ХСМЛ. Администрация ХПИ назначила деканом электромеханического факультета профессора А.К. Попова, а деканом дорожно-строительного факультета профессора Ю.О. Григоровича. На места уехавших в СССР были приглашены бывшие преподаватели ХПИ, лишённые в советский период права работать в институте. Произошли изменения и в учебной программе. Помимо технических дисциплин, были введены гражданствоведение, которое вел инспектор института С. Озава, японский язык и физкультура. На под-

готовительных курсах для китайцев вместо русского языка стали преподавать японский. Новый учебный год начался с молебна, который после длительного перерыва снова был отслужен в здании института по просьбе студентов русской национальности^{xxxix}.

В 1936 г. ХПИ был принят на бюджет Министерства народного образования Маньчжоу-Ди-Го, а 9 апреля 1937 г. пост ректора института занял инженер И. Судзуки. В этом году диплом ХПИ получили 55 человек, в декабре 1938 г. еще 76 человек защитили дипломы. Это был последний выпуск студентов ХПИ в период японской оккупации, обучавшихся на русском языке. С этого времени русский язык был полностью отменен, а русский персонал, за немногим исключением, уволен^{xl}.

Начиная с 1937 г., в ХПИ стали принимать китайскую, корейскую и японскую молодежь для обучения на японском языке. Содержание студентов и обучение их производилось за счет государства. Доступ в ХПИ был открыт и для русских, но желающих учиться на японском языке среди них было мало^{xli}.

Для русских студентов, по инициативе общественности, еще в 1934 г. был основан институт Святого Владимира с тремя факультетами (политехническим, ориентальным и богословским), а в 1937 г. — Коммерческий институт. Оба эти вуза в 1938 г. объединились и образовали Северо-Маньчжурский университет (СМУ) с политехническим и коммерческим факультетами, который, по мнению одного из основателей ХПИ профессора В.А. Кулябко-Корецкого, фактически явился продолжением ХПИ. Ректором университета стал японский профессор Т. Симидзу, получивший образование в Петербурге. СМУ просуществовал до 1945 г.^{xlii}

Капитуляция Японии 15 августа 1945 г. открыла новую страницу в истории ХПИ. Как сообщает В.Г. Савчик, советско-китайское руководство Китайско-Чаньчунской железной дороги (КЧЖД, бывшая КВЖД) поручило заместителю управляющего дороги инженер-полковнику Ожигову восстановить ХПИ для русских и китайских студентов с преподаванием на русском языке. Директором института был назначен советский полковник Седых, а заместителем директора — профессор Ю.О. Григорович (1946–1953 гг.)^{xliii}.

10 декабря 1945 г. ХПИ вновь открылся или, как пишет В.Я. Винокуров, поступивший в институт в этом году, «восстал из мрака» в буквальном смысле слова, так как политехникам удалось запустить свой собственный генератор, и занятия шли в хорошо освещенных аудиториях в то время, как весь город утопал во тьме^{xliv}.

ХПИ состоял на бюджете КЧЖД, обучение в институте было бесплатным. Основным ядром профессорско-преподавательского состава стал персонал СМУ, но были приглашены и преподаватели из вузов СССР, а так же широко привлечены к работе в институте инженеры-практики, бывшие выпускники ХПИ, среди них Бейер А.И., Брагин И.А., Войнюш В., Ефимов Г.А., Зайцев В.Ф., Зувев С.И., Калугин Н.П., Копецкий А.А., Коренев В.И., Костин А.А., Логуновы А.А. и А.П., Маркевич Б.К., Мелихов В.Г., Небы-

шенков П.А., Писемский Г.Н., Пулле Е.А., Раменский П.В., Ротенко Г.Л. и Н.П., Слюсаренко Ю.Г., Чигринец Н.И., Чистяков К.И., Эйспу Ю.Ф.^{xliv}

Учебный план ХПИ был перестроен по образцу советских вузов. Вскоре ХПИ имел шесть факультетов: инженерно-строительный (декан профессор П.С. Свиридов), электромеханический (профессор А.К. Попов), химический (проф. В.В. Шамраев), горный (горный инженер Ю.М. Зезюкевич), инженерно-экономический (экономист В.Н. Жернаков) и восточно-экономический (инженер Тянь Си-фу, выпускник ХПИ). И для русских, и для китайцев были открыты подготовительные курсы, а для рабочей молодежи — вечернее отделение. К 1949 г. число выпускников ХПИ превысило 3500 человек^{xlvi}.

Окончание гражданской войны в Китае и образование КНР внесли новые изменения в жизнь ХПИ. Соглашение о дружбе между СССР и КНР, подписанное в феврале 1950 г., предусматривало полную передачу Китаю прав на КЧЖД, что означало переход ХПИ под руководство китайских властей и функционирование его на китайском языке. В институт постепенно стали вливаться новые китайские кадры, было введено смешанное русско-китайское обучение и открыты подготовительные курсы теперь уже для обучения китайскому языку русских студентов^{xlvi}.

В 1954 г. начался массовый отъезд русских из Харбина в Советский Союз на целину. Одновременно русские харбинцы уезжали и в другие страны: Австралию, США, Латинскую Америку. Как вспоминает одна из последних выпускниц ХПИ Н. Чернышева-Венгерова: «Пустел город, опустел институт. Из моих однокурсников никого не осталось. И я почувствовала, что моя связь с институтом прервана». Н. Чернышева-Венгерова окончила ХПИ в 1957 г., когда преподавание уже велось на китайском языке. Защиты дипломных проектов в этом году не было из-за политических событий, приведших к «культурной революции», которые, как она пишет, «начались с того, что студенты стали критиковать свою профессуру»^{xlvi}. Последние русские преподаватели покинули ХПИ в самом конце 50-х годов. Так с исчезновением русского Харбина закончилась и славная история русского Харбинского политехнического института.

В созданном и руководимом около 30 лет русскими ХПИ работали многие выдающиеся наши соотечественники, талантливые преподаватели: С.П. Тимошенко, П.Ф. Козловский, Н.М. Обухов, Н.К. Пафнутьев, П.С. Свиридов, Ф.Ф. Ильин, П.Ф. Федоровский, П.Н. Радищев, С.А. Савин, Л.А. Устругов, А.А. Щелков, В.Г. Мелихов, В.А. Белобродский, А.К. Попов, С.Н. Петров, В.А. Кулябко-Корецкий, И.Г. Баранов, В.Н. Жернаков и многие другие. Нет, наверное, ни одного преподавателя и сотрудника ХПИ, имя которого не упомянуто на страницах журнала «Политехник», не забыт даже уборщик и гардеробщик Акимыч, которого студенты привыкли видеть мирно спавшим за столиком у входа в институт^{xlvi}. И через много лет выпускники ХПИ вспоминают своих учителей с большим уважением, любовью и благодарностью, хотя, будучи студентами, порой посмеивались над их слабо-

стями и награждали, по студенческой традиции, безобидными прозвищами, сохранившимися в их памяти и поныне.

Высокие стандарты образования, заложенные в ХПИ, способствовали тому, что диплом института был признан во всем мире, а его питомцы, рассеянные по континентам и странам, проявили себя как квалифицированные специалисты – инженеры, преподаватели, ученые. Среди них А.Ю. Самарин — инженер-строитель, действительный член Австралийской академии технологических наук, В.П. Шуйский — инженер-механик, доктор технических наук, автор 3-х фундаментальных трудов по электрическим машинам и многие, многие другие. Но наибольшей известностью среди самих политехников пользуется выпускник электромеханического факультета 1926 г. Г.Н. Вознесенский, который посвятил свою жизнь служению церкви, достигнув высочайшего сана, став первоиерархом Русской православной заграничной церкви митрополитом Филаретом (1964–1985 гг.)¹.

В стенах ХПИ были заложены традиции поддержки и взаимопомощи, которые политехники сохранили на всю жизнь. Куда бы они ни были заброшены волею судьбы, везде стремились к общению на профессиональном и общественном уровне, о чем свидетельствуют существующие сегодня в Австралии, США, КНР, Японии, России объединения выпускников ХПИ. Крупнейшее из них — Ассоциация инженеров, окончивших ХПИ/СМУ в Сиднее.

Так каким же он был Харбинский политехнический? Может быть как раз таким, каким он предстает в воспоминаниях его выпускников? Но историки предостерегают, что мемуары носят субъективный характер, грешат неточностями, им не хватает документальной базы. Нельзя не согласиться с мнением профессора Г.В. Мелихова, что задача историков, российских и зарубежных, написание с объективных позиций коллективного труда — «Истории Харбинского политехнического института», который станет лучшим памятником этому замечательному высшему техническому учебному заведению^{li}. Думается, что выпускники ХПИ прочтут эту книгу с интересом, но и тогда для них Харбинский политехнический останется таким, каким он живет в их воспоминаниях.

ⁱ Политехник. Сидней, 1973. № 5. С. 5.

ⁱⁱ Там же. 1979. № 10. С. А-1–А-2.

ⁱⁱⁱ Там же. 1972. № 4. С. 14–15; № 10. С. 13.

^{iv} Китайцы днем основания ХПИ считают день открытия Русско-китайского техникума 17 октября 1920 г.

^v . Политехник. Сидней, 1974. № 6. С. 2; № 10. С. 4.

^{vi} Калугин Н.П. Научная мысль русского Харбина // Голос Родины. М., 1991. № 13. С. 14.

^{vii} Политехник. Сидней, 1973. № 5. С. 6–7.

^{viii} Там же. 1992. № 13. С. 17; № 10. С. 38.

^{ix} Там же. 1975. № 5. С. 6.

^x Там же. 1970. № 2. С. 29.

^{xi} Там же. 1979. № 10. Вступление.

^{xii} Там же. 1971. № 3. С. 53. № 4. С. 47–49; № 10. С. 12–13.

^{xiii} Там же. 1976. № 8. С. 1.

- ^{xiv} Там же. С. 2–3.
- ^{xv} Там же. 1971. № 3. С. 55–56; № 10. С. 10–11.
- ^{xvi} День политехника : неперидическое издание Совета курсовых старост Р.К.П.И. Харбин, 1925. февр. С. 1, 5.
- ^{xvii} Политехник. Сидней, 1973. № 5. С. 155; № 10. С. 11, 51.
- ^{xviii} День политехника. С. 5.
- ^{xix} Политехник. Сидней, 1971. № 3. С. 104–105; № 6. С. 2.
- ^{xx} Там же. 1979. № 10. С. 56.
- ^{xxi} Там же. 1970. № 2. С. 64–71; № 10. С. 55.
- ^{xxii} Там же. 1979. № 10. С. 55.
- ^{xxiii} Там же. 1970. № 2. С. 70–71.
- ^{xxiv} Там же. С. 30.
- ^{xxv} Там же. 1971. № 3. С. 48.
- ^{xxvi} Платные вечера-рефераты проводились два раза в месяц в здании института. На них профессора читали лекции о последних достижениях техники, а затем устраивались танцы. (Политехник. Сидней, 1979. № 10. С. 12).
- ^{xxvii} Там же. С. 12.
- ^{xxviii} Там же. 1972. № 4. С. 58–59.
- ^{xxix} Там же. 1970. № 2. С. 68. № 3. С. 51; № 10. С. 43.
- ^{xxx} Там же. 1979. № 10. С. 51.
- ^{xxxi} Там же. С. 7; № 13. С. 19.
- ^{xxxii} Там же. 1979. № 10. С. 2.
- ^{xxxiii} Там же. 1974. № 6. С. 2; № 10. С. 7–8, 10.
- ^{xxxiv} Там же. С. 1.
- ^{xxxv} Там же. 1979. № 10. С. 10, 52.
- ^{xxxvi} Там же. 1972. № 4. С. 40; № 10. С. 56.
- ^{xxxvii} Там же. 1971. № 3. С. 45; № 10. С. 53.
- ^{xxxviii} Там же. 1979. № 10. С. 14. Л.А. Устругов после репатриации в СССР был необоснованно репрессирован в 1937 г. погиб в лагере (Политехник. Сидней, 1992. № 13. С. 19).
- ^{xxxix} Там же. 1979. № 10. С. 14–15.
- ^{xl} Там же. С. 16.
- ^{xli} Там же.
- ^{xlii} Там же. 1969. № 1. С. 9; № 5. С. 24, 32–33.
- ^{xliii} Там же. 1979. № 10. С. 17.
- ^{xliv} Vinokurov V. Russian engineers in Australia. Second, revised and enlarged edition / Vinokurov V., Kamensky Yu. Melbourne : The University of Melbourne, 1986. P. 12, 101.
- ^{xlv} Политехник. Сидней, 1974. № 6. С. 14–16.
- ^{xlvi} Там же. 1971. № 3. С. 41–42; № 6. С. 7; № 10. С. 17, 30.
- ^{xlvii} Там же. 1979. № 10. С. 17–18.
- ^{xlviii} Там же. 1973. № 5. С. 30–31.
- ^{xlix} Там же. 1969. № 1. С. 44, 47–50; № 4. С. 20–29; № 5. С. 18–28.
- ¹ Там же. 1989. № 12. С. 51–55, 130–131, 202.
- ^{li} Там же. 1992. № 13. С. 22.

Печатная версия статьи см.: Каневская Г.И. Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников : (к 75-летию со дня основания ХПИ) // Рубеж. – Владивосток, 1998. – С. 309–316.